

6. Бекишева, Е. В. Категориальные основы номинации болезней и проблем, связанных со здоровьем: монография / под ред. проф. В. Ф. Новодрановой / Е. В. Бекишева. – Самара : ООО «ИПК «Содружество» ; ГОУВПО «СамГМУ», 2007. – 250 с.

7. Маджаева, С. И. Термины с компонентом цветообозначения в языке медицины / С. И. Маджаева, Э. М. Байдашева // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2019. – С. 219–226.

8. Голованова, Е. И. Особый статус терминов-фразеологизмов в метаязыке науки / Е. И. Голованова // Вестник Омского университета. – 2013. – № 1. – С. 69–75.

9. Метафоры и терминологически устойчивые выражения в медицине : словарь-справочник / Авт.-сост. А. П. Дьяченко. – Минск : Новое знание, 2003. – 428 с.

Abstract. The article is devoted to the functioning of phraseological units (terminologisms) with a color component in medical terminology. Terminologisms of the language of medicine are used both as terms and as phraseological units in the general literary language. Terminologisms perform the function of a name and are a means of obtaining information and consolidating it. They indicate the symptoms, signs of the disease, or name the disease. Terms with a color designation component indicate the complexity of the disease, that is, they carry other information, record special information, and make medical knowledge more accessible and understandable.

Keywords: phraseological units, terminologisms, component of color designation, language of medicine, common language.

Маджаева Санья Ибрагимовна – доктор филологических наук, профессор; Астраханский государственный медицинский университет (sanyasanya-madzhaeva@yandex.ru).

УДК 811'373:398.92:128

В. А. Маслова

ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ РУССКОГО ДУХОВНОГО КОДА

Аннотация. В статье указано, что важнейшим лингвистическим инструментом исследования языка является его описание через коды культуры. Данный подход, в том числе при анализе мира фразеологии, не только поможет рельефнее и зримее представить русскую языковую картину мира, но и позволит на качественно ином уровне строить преподавание языка.

Ключевые слова: фразеологизм, лингвокультурология, коды лингвокультуры, русский духовный код.

Сейчас существует несколько способов описания языка: системно-структурное, поуровневое описание (традиционное и самое всеобъемлющее), через лексико-семантические поля, через систему концептов, через ценности культуры, через коды. Описание через коды – это новый способ описания языка, который является также инструментом описания языка через коды.

Понятие кода широко распространено в семиотике. Он означает здесь закон соответствия плана содержания плану выражения. Кодом задается значимость знака, а интерпретатор (воспринимающий) эту информацию расшифровывает. Правила прочтения задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора. Следовательно, код вырабатывается и функционирует в культуре. Отсюда термин «культурный код», под которым Д. Гудков и М. Ковшова понимают «систему знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» [1, с. 9].

Мы несколько дополним это определение. Культурный код – это совокупность универсальных и национально специфичных явлений, формирующая национальную картину мира, это репертуар сигналов и одновременно способ структурирования культурного знания.

Коды культуры связаны с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями о мире. Дело в том, что наше сознание неоднородно: наряду с логическими структурами в него входят так называемые пралогические, т. е. архаические структуры, которые отличаются крайней эмоциональной интенсивностью, они не только мыслятся, но и переживаются. К ним относятся и фразеологизмы.

Особый интерес к кодам, вероятно, объясним их универсальностью: специалистами-генетиками, молекулярными биологами, семиотиками было замечено структурное сходство генетического кода и языка. Существуют даже работы генетика Р. Солганика о единстве музыкального, генетического и языкового кода, результатом исследования которого стала *музыка гена* с возможностью ее проигрывания. Такая универсальность может быть объяснима универсальной идеей Творца, которая все чаще находит подтверждение в достижениях разных наук, и это открылось на рубеже тысячелетий. Вероятно, наш организм неосознанно владеет информацией о своем строении, в том числе – о строении своего генетического кода и соотносит его с миром и языком.

Коды лингвокультуры, в которых фиксируются коллективные представления, универсальны как феномен, свойственный человеку разумному и культурному. А сама культура выступает как совокупность различных кодов. Коды культуры образуют систему координат, которая задает эталоны культуры.

В данной статье будет представлен только духовный код культуры, который составляют нравственные ценности и эталоны, зафиксированные в языке. Этот код изначально онтологичен, он пронизывает всё наше бытие, обуславливает поведение и деятельность. С помощью духовного кода как раз и может быть представлен «дух народа» (в понимании В. Гумбольдта): это система духовных законов, духовных ценностей, выработанных нацией в процессе ее формирования.

Как познать духовную сущность русского слова и большей единицы – фразеологизма, паремии? Религиозная философия утверждает, что отношения между миром вещей и миром слов не являются отношениями подобия, это отношения творения. Слово создает, творит мир. Бог равен Слову, Слово – орудие и материал Бога. Из простого зеркала мира оно становится источником творения. Идея творящего слова нашла воплощение в трудах В. Гумбольдта, А. Потебни, неогумбольдтианцев и др.

Итак, человек получил от Бога возможность творить посредством слова. Святой Лука (Войно-Ясенецкий) сказал в проповеди 1945 года: «Ни одно слово, исходящее из уст человеческих, не теряется в пространстве бесследно. Оно всегда оставляет глубокий, неизгладимый след» [2, с. 6].

Слово живет среди нас и действует на наши сердца, так как в слове содержится великая духовная энергия – или энергия любви и добра, или, напротив, богопротивная энергия зла. Современные ученые подтверждают, что любое произнесенное слово есть не что иное, как волновая генетическая программа, влияющая не только на нашу жизнь, но и на жизнь наших потомков.

Язык – основной источник веры. Во-первых, вера заключена в самом языке: первая и главная функция языка древних, скорее всего, была сакральной. Во-вторых, вера консервируется в языке и хранится в нем веками. Важное место здесь отводится фразеологизмам.

Мир русского фразеологизма есть единство энергийного, сакрального и духовного, поэтому, даже не понимая полностью значения фразеологизма, носитель конкретного языка способен чувствовать эмоциональный заряд языковой единицы, ее положительную или отрицательную окрашенность, способен чувствовать его духовную силу. Фразеологизм – это совокупность универсального и культурно-специфического, сложившаяся в национальной картине мира. Универсальное – это фразеологизмы из библейских текстов: *глас вопиющего в пустыне; внести свою лепту; святая простота; блудный сын; валаамова ослица* и др. [3]; а национально-специфичные – из обиходного языка, фольклора и других видов народной культуры.

Покажем это на примере судьбы. Понимание судьбы как высшей силы нашло отражение во всех толковых словарях русского языка. Например, в четырехтомном академическом словаре у слова *судьба* выделяется три значения, главным из которых будет следующее: 1) складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств (по суеверным представлениям – сила, определяющая всё, что происходит в жизни) – *покориться судьбе, удары судьбы*. В. И. Даль, помещая слово *судьба* в словообразовательное гнездо глагола *судить*, определяет судьбу как «неминучесть в быту земном».

Судьба управляется космосом. Своя судьба есть у всего: у людей, вещей, событий, явлений. Это место в жизни общества, бытие. Судьба – божественно установленная сущность и будущность каждой вещи и каждого человека, но это неразумная сущность, в религиозном сознании – это Бог.

Фразеологизмы с лексемой *судьба* образуют довольно целостную картину мира русского человека: – это **личность**, причем гораздо более сильная, чем человек, отсюда *гневить судьбу, поставить крест на своей судьбе, перст судьбы, волею судеб* и др.; **судьба-игрок** – *игра судьбы*; судьба – это **книга**, отсюда выражение *прочитать свою судьбу*; судьба – это **нить**, отсюда – *Их судьбы переплелись, спутались*; судьба – **дорога**, отсюда *ухабы судьбы, повороты судьбы*; судьба и **хозяйка**, и **рабыня** одновременно: *раб судьбы; господин своей судьбы*; судьба – **животное**: *взять за рога судьбу; Судьба – собака: кого облизнет, а кого укусит*.

Думается, что исчислить все образы судьбы, гештальты, свойственные языковому сознанию в целом, – задача невыполнимая, но в некотором замкнутом массиве культурно значимых текстов их можно установить. Например, в поэзии И. Бродского есть аналитические описания судьбы: *И географии примесь к времени есть судьба*.

Итак, во фразеологизмах с лексемой *судьба* объединяются две ключевые идеи русской культуры: идея непредсказуемости будущего (*перст судьбы*) и неконтролируемость происходящих с человеком событий (*игры судьбы*).

Таким образом, генетическая память народа сохраняется в слове. Даже в самых привычных и обычных словах зашифрована история рода и народа, союз земли и Неба. Например, слова, корень у которых *-образ-* тесно связаны с *Образом Божьим*, т. е. *иконой*. Отсюда все *безобразия* – связаны с утратой, потерей образа Бога. Стремление к *первообразу* – закономерно (сравн. понятие первообразного слова у А. А. Потебни). Так, *святой* – это несущий свет.

Важное место в исследовании духовного кода культуры должно быть отведено концептам «Религия», «Христианство», «Бог», «Богопознание», «Вера», «Воскресение», «Церковь», «Дух», «Чудо», «Спасение», «Крест», «Икона», «Храм», «Колокол», «Свеча» и др., а также фразеологизмам и паремиям с ними, потому что именно в них раскрываются наиболее важные для русского культурного мировосприятия понятия [4].

Продемонстрируем сказанное на примере колокола, что в переводе с греч. – «зов» – это зов Бога и к Богу. Это молитва в звуке. Он созывает верующих на богослужение, выражает торжество Церкви, призывает на защиту Отечества, возвещает о победе и т. д. С. Булгаков в своей работе «Философия имени» писал, что есть слова, имеющие тройкий смысл, – буквальный, переносный и духовный. Именно к таким словам относится колокол.

Согласно толковым словарям русского языка, *колокол* – ‘металлическое (из меди или из медного сплава) изделие в виде полого усеченного конуса с подвешенным внутри него для звона стержнем-языком’. Но это буквальное значение слова. Переносное – всякий предмет подобной формы – платье-колокол, цветок *колокольчик* и др. А духовный смысл может быть извлечен из функций и символики колокола.

Родиной колокола многие ученые считают Китай, а первые колокольчики датируются XIII–XI вв. до н.э. Колокола были знакомы древним египтянам, евреям, римлянам. Ко времени возникновения христианства колокольчики и бубенцы употреблялись

практически во всех религиях, и христиане осуждали их как языческие, этим и объясняется их упоминание в негативном контексте в Новом завете: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий».

Колокола на Руси освящались, но никогда не крестились и не нарекались человеческими именами, у них были лишь прозвища, которые давались с учетом особенностей их звучания или событий, в честь которых они были отлиты. Колокол с сильным, резковатым звучанием нередко назывался «Лебедем», с мягким, приятным – «Красным», с ровным, дребезжащим – «Козлом», «Бараном» и т. д. Считалось, что колокол умолкает на чужбине, подтверждением тому можно считать молчание наших колоколов, проданных после революции в Америку, где в Гарвардском университете использовалась лишь их сигнальная функция, недавно они возвращены в Свято-Данилов монастырь.

Православный звон отличается от колокольных звонов других конфессий: если звоны Западной Европы содержат мелодические и гармонические основы, то православный звон – это ритм и характер. В русском языке есть фразеологизмы *давать на позвонные*: если кому-то не возвращали долг, он давал звонарю деньги с просьбой исполнить погребальный звон по здравствующему должнику, и долг немедленно возвращался; *вызвонить грех* – отлить колокол, который своим звоном вымолит у Бога прощение за данного грешника.

Колокольный звон для русских – это жизнь, с ним проходят все важные события, он наводит на размышления и воспоминания: *Вечерний звон, вечерний звон, / Как много дум наводит он* («Вечерний звон» И. Козлов – перевод стихотворения Т. Мура).

Колоколу посвящено довольно много русских пословиц и поговорок: *У Царя колокол на всю Русь* (рекрутский набор); *Чужой человек, что соборный колокол*; *Колокольчик к замужеству, колокол к смерти*; *Бездушен колокол, а благовестит во славу Господню*; *Звонить во все колокола*; *Отзвонил – и с колокольни долой*; *Смотреть со своей колокольни*; *Пришло счастье, хоть в колокола звони*; *Ударил в колокола, не глянув в святы* (о неуместном заявлении, поступке). Есть и загадки: *Язык есть, речей нет, вести подает* (Колокол).

Колокол – образ-символ в русской культуре – в прозе, поэзии, музыке. Мотив колокола прошел сквозь всю русскую литературу, через многие произведения искусства (музыку, живопись, скульптуру). Это А. Пушкин «Зимняя дорога», М. Лермонтов «Поэт», А. Григорьев «Когда колокола торжественно звучат», Я. Полонский «Колокольчик», С. Надсон «Дитя столицы, с юных дней», К. Фофанов «Под напев молитв пасхальных» и др.

В стихотворении М. Цветаевой дан даже звукообраз колокола: *Красною кистью рябина зажглась...* Здесь как бы звучит большой колокол, а затем – *бо-го-слов* – маленькие колокольчики.

Для С. Есенина колокол – голос Родины, символ ее независимости и величия, под воздействием которого даже природа ведет себя иначе – «Пасхальный благовест»: *Колокол дремавший / Разбудил поля, / Улыбнулась солнцу / Сонная земля*. М. Лермонтов и К. Бальмонт сравнивают Поэта с колоколом: *Я – дух, я – призрачный набат, / Что внятен только привиденьям* (К. Бальмонт).

В рассказе Е. И. Замятина «Один» колокол управляет сюжетом, определяет его ход, подготавливает различные события: *Было весело – точно звонили, переливались, подплясывали в воздухе колокола*.

Русское культурное пространство в целом часто задается образом колокола. «Колокол» – так называлась вольная русская газета, которую А. Герцен издавал в Лондоне. Скульптор М. Микешин взял профиль колокола за основу памятника «Тысячелетие России» в Новгороде, музыку для колоколов писали П. Чайковский, С. Рахманинов и др.

Таким образом, сквозь призму духовного кода культуры несколько по-иному видятся национальные ценности народа (колокол), вскрывается то, что было невидимо

и неслышимо для непосвященных, без чего наше понимание русского человека и его культуры было бы неполным. Описание русского языка с позиций кодов культуры не только поможет рельефнее и зримее представить русскую языковую картину мира, но и позволит по-иному строить преподавание языка.

Список использованных источников

1. Гудков, Д. Телесный код русской культуры. Материалы к словарю / Д. Гудков, М. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
2. Слово Святителя Луки / Таврида Православная. – 2008. – № 10 (212).
3. Иванов, Е. Е. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси / Е. Е. Иванов, В. А. Маслова, В. М. Мокиенко. – М. : РУДН, 2022. – 408 с.
4. Постовалова, В. И. Теолингвистика / В. И. Постовалова. – М. : Проспект, 2022. – 1760 с.

Abstract. The article indicates that the most important linguistic tool for language research is its description through cultural codes. This approach, including in the analysis of the world of phraseology, will not only help to present the Russian language picture of the world more clearly and visibly, but will also allow you to build language teaching on a qualitatively different level.

Keywords: phraseology, linguoculturology, codes of linguoculture, Russian spiritual code.

Маслова Валентина Авраамовна – доктор филологических наук, профессор; Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (mvavit@tut.by).

УДК 811.161:398.92

И. А. Меркулова

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В АСПЕКТЕ КВАНТИТАТИВНО-КВАЛИТАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Аннотация. В статье исследуются фразеологические словари трех восточнославянских языков: определяются их статистические характеристики, выявляются фразеологически активные лексемы (доминанты, вице-доминанты и первые 100 слов наиболее высоких рангов) и значения, объединяющие эти близкородственные славянские языки.

Ключевые слова: фразеология, фразеологический словарь, восточнославянские языки.

Выявление и ранжирование синтагматически активной лексики словаря является важной составляющей исследования системного устройства лексики языка. А фразеологическая активность, под которой понимается участие лексемы в создании фразеологических сочетаний, может рассматриваться как составная часть этих системных отношений.

Целью нашего исследования является анализ фразеологически активной лексики восточнославянских языков. Для ее выявления использовался метод параметрического анализа словаря. Его суть заключается в своеобразном «взвешивании» единиц словаря и определении более весомых (ядерных) и менее весомых (периферийных) элементов. Определить вес помогает формула ранжирования:

$$Pr_i = \frac{\sum r - R_{1-i}}{\sum r},$$

где $\sum r$ – сумма единиц всех рангов;

R_{1-i} – сумма единиц от первого до данного;

Pr_i – вес i -го ранга [1].